

Михаил Иванович ВТОРУШИН¹

УДК 94 (57) "1918/20"

ПАРТИЗАНСКИЕ РЕСПУБЛИКИ СИБИРИ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

¹ кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры государственного,
муниципального управления и таможенного дела,
Омский технический университет
vtorushin-m2013@yandex.ru

Аннотация

Представлена проблема советских партизанских республик Сибири эпохи Гражданской войны на востоке России. Цель работы — выявить причины возникновения антиколчаковских государственных образований крестьян; изучить их социально-экономические и политические основы, идейную сущность, внутренние и внешние противоречия. Проблема изучается на принципах диалектико-материалистического метода познания — историзма, связи с иными событиями эпохи и в контексте времени.

Ход Гражданской войны в России объективно привел к установлению в противоборствующих лагерях системы диктатуры. На востоке России это была военная диктатура Белого движения во главе с адмиралом Колчаком, которая должна была одержать военную победу и решить исторические проблемы Сибири, касавшиеся землеустройства крестьян края, сбытового и снабженческого вопросов, определения формы самоуправления на местах. Белое движение отложило решение этих проблем на послевоенный период. При этом внутренний режим был ужесточен, а налоговый пресс резко усилен. Социальным ответом крестьян Сибири явилось их повстанческое движение. Возник феномен партизанских государственных образований, которые контролировали в 1919 г. до одной трети территории края. Сибирское крестьянство в партизанских зонах создало свою систему самоорганизации и самообеспечения на принципах крестьянского «военного коммунизма». Этот феномен представляет научный интерес в связи с тем, что в годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории возникли

Цитирование: Вторушин М. И. Партизанские республики Сибири периода Гражданской войны / М. И. Вторушин // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Том 3. № 2. С. 161-172.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-2-161-172

советские партизанские республики, которые во многом повторили опыт сибирских партизан Гражданской войны.

Ключевые слова

Белая государственность, повстанческие республики, власть Советов, народоправство, военный коммунизм.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-2-161-172

Важным аспектом изучения истории Гражданской войны на Востоке России является вопрос о причинах появления и сущности такого явления, как анти-колчаковские повстанческие республики Сибири. Обусловлен этот вопрос тем обстоятельством, что стихийные государственные образования партизан в 1919 г. охватили 335 тыс. крестьянских хозяйств более 200 волостей региона, где проживало до 1,8 млн чел., или 25% населения края [5, с. 131]. Данные республики функционировали вплоть до установления конституционной Советской власти в Сибирском регионе в 1920 г.

Кризис белой государственности на востоке страны, породивший партизанские республики, был обусловлен тем обстоятельством, что адепты кадетской модели модернизации России, осуществив 18 ноября 1918 г. в Омске государственный переворот и установив в Сибири диктаторский режим адмирала А. В. Колчака, готовясь к решающей схватке за власть в стране с большевиками, должны были решить те проблемы края, которые оформились еще до начала Первой мировой войны, поскольку рассчитывать приходилось лишь на социально-экономические ресурсы региона.

К вопросам, требовавшим немедленного решения из-за их хронического характера, усугублявшим общую ситуацию в Сибири, относились противоречия по проблеме земельного разграничения между общинами крестьян различных исторических категорий, незавершенность землеустройства старожилого крестьянства, аборигенов и новоселов, краевой казачий вопрос, трудности с вывозом аграрной продукции на внешний и внутренний рынки, или сбытовой кризис, к которому из-за развала работы железной дороги в годы Первой мировой войны добавился снабженческий кризис, а также монокультурный характер местного хозяйства и неразвитости областной промышленности.

Проблемы Сибирского региона можно было решить, опираясь на опыт и знания сущности этих кризисных вопросов областной интеллигенции. Однако сторонники белой государственности, представленные выходцами из Европейской России, выдвинув лозунг «Единая и неделимая Россия», решали краевые вопросы лишь под углом своих интересов, избрав стратегию непредрешенности, как это было в 1917 г., т. е. до открытия Национального Учредительного собрания. Любое несогласие с данной политической установкой белых властей Сибири жестоко преследовалось.

Государственные образования мятежного сибирского крестьянства вызвали к жизни иную парадигму разрешения всего комплекса исторических проблем

Сибири [6, с. 225-238]. Повстанческие республики, возникшие как инициатива народных масс, просуществовали более или менее длительное время, имели во многом военизированный характер [22, с. 175]. Военная диктатура крестьянства была противопоставлена военной диктатуре белого антисоветского движения и, несмотря на военизированный принцип организации власти в партизанских республиках, имела вполне демократичный характер, т. к. опиралась на широкое самоуправление через воссозданные Советы или существующие земства, что принципиально отличало ее от системы белой военной диктатуры, созданной на принципах авторитаризма. За основу народной демократии в республиках партизан была взята модель первой Советской власти в Сибири начала 1918 г. [23]. Начальник штаба армии партизан Алтая Я. П. Жигалин писал: «Пуля, шомпол, нагайка озверелых белогвардейцев вывели крестьянина из его пассивного состояния и заставили его сравнивать господство Колчака с властью Советов. Карательные отряды были лучшими агитаторами за Советскую власть» [4, с. 98]. Сибирский эсер Е. Е. Колосов, объясняя причины принятия мятежным крестьянством края советской формы власти, указал: «Легче было противопоставить, по закону антитезы, власти Колчака идею власти Советов» [6, с. 239]. П. С. Парфенов как историк Гражданской войны в Сибири, объясняя военизированную форму организации повстанческих республик и роль полевых командиров в руководстве государственными образованиями партизан, считал: «Рабоче-крестьянские массы психологически стремятся к организованным и согласованным дальнейшим действиям, руководимые, во многих случаях, военными специалистами из своей же среды» [11, с. 103]. Таким образом, партизаны в качестве антитезы противопоставили кадетской концепции тоталитарного государства с авторитарной властью идею анархической республики под лозунгом «Вся власть на местах» [18, Оп. 1. Д. 49. Л. 5].

Для крестьян Сибири при выборе модели первой Советской власти главным было то, что в 1917 г. она отличалась многопартийностью или беспартийностью, горизонтальными социальными связями и принципами местничества [17]. Важным моментом было то обстоятельство, что местные Советы создавались на основах традиционного права. Создавая бессловное самоуправление, повстанцы могли сохранять волостные Земские управы, переименовывая их в Исполкомы при Советах [18, Оп. 1, Д. 127. Л. 19]. В ряде уездов региона данный вариант власти Советов имел известное анархическое наполнение [21, с. 31]. Это объясняется наличием в органах самоуправления партизан депутатов, которые были стихийными анархистами по своим политическим взглядам. Большую роль играли в партизанских Советах сторонники идеи «народоправства» левых эсеров и эсеров-центристов [2, Оп. 2. Д. 92. Л. 3], чья политическая и экономическая программа вполне устраивала мятежное сибирское крестьянство. Исходя из данного факта, стоит признать, что большинство вождей антиколчаковского партизанского движения края стояли на позициях «народоправства» эсеров, но, как считал политработник 5-й Красной армии В. Б. Эльцин, «лозунг Советской власти выкинули сами крестьяне, а не их вожди» [24, с. 274].

Каждый антиколчаковский повстанец по-своему понимал функции и организацию Советов — в зависимости от политических, социальных и культурных пристрастий, породив феномен сибирского красного партизана [13, с. 132], повлиявшего на обстановку в Сибири в Гражданскую войну и после ее окончания. Как констатировал секретный циркуляр Сиббюро ЦК РКП(б) февраля 1921 г., «Мелкобуржуазное собственническое крестьянство охотно принимает советскую форму государства без коммунизма, как эсеровское трудовластие» [19, с. Оп. 1. Д. 27. Л. 2]. Ранее, т. е. в ходе воссоздания власти Советов в Сибирском регионе, советские агенты, прибывшие из Европейской России, отмечали: «Партизан привык защищать свой дом, а не государство» [2, Оп. 2. Д. 98. Л. 3].

Стоит отметить факт небольшого представительства в партизанских Советах большевиков, которые понесли невосполнимые кадровые потери в ходе белого террора периода городских восстаний зимы и весны 1919 г. Кроме того, с точки зрения психологии, важно признать, что не каждый сибирский большевик имел качества лидера, а с точки зрения истории — не каждый вожь партизанского движения был членом партии большевиком. Это ставит под вопрос базовый тезис советской историографии 50-80-х гг. о несомненном руководстве большевиками движением партизан Сибири. Очевидна самоорганизация крестьянства края против белого режима власти, который своими действиями подрывал устой народного хозяйства региона.

Создание системы власти в повстанческих зонах имело специфику, обусловленную наличием в регионе ряда исторических групп крестьян. Власть в форме Советов безоговорочно принимали новоселы ряда уездов Алтайской, Енисейской, Иркутской и Томской губерний, Акмолинской и Семипалатинской областей. В селениях старожильческих анклавов в системе повстанческого антиколчаковского самоуправления преобладала земская форма организации власти. В местах смешанного проживания крестьян различных исторических групп это подчас приводило к конфликтам «земствовластия» старожилов и «советовластия» новоселов [6, с. 246, 265].

Признавая Советы как высшую форму власти на местах, большинство партизан позиционировало себя в качестве большевиков, которые активно агитировали за Советскую власть в период революции 1917 г. Как указывает Е. Е. Колосов, анализируя идеологию антиколчаковских партизан Сибирского края, «обычно крестьянское движение определялось в Сибири как движение большевистское, и в известном смысле оно было таковым» [6, с. 239]. Он отмечал, что в сибирской деревне помнили большевиков по 1917 г., когда они выступали с позиций отрицания любого социального неравенства, что импонировало местным аграриям. По его мнению, сибирский «крестьянский большевизм» партизан являл собой стихийный протест против любых форм социального неравенства и угнетения, поэтому «большевизм, как политическая система, тем и был близок нашему крестьянству, что внушал ему надежду, что все эти формы неравенства можно «скасовать», как говорили казаки времен Хмельницкого, скасовать одним ударом сабли, выстричь всех под одну гребенку» [6, с. 239].

Еще одной причиной популярности образа большевика в Сибири была работа органов массовой информации белого режима и духовенства, которые пропагандировали, сами того не желая, большевиков как своих самых последовательных и непримиримых врагов [3, с. Оп. 1. Д. 68. Л. 1]. Это (здесь стоит согласиться с мнением Е. Е. Колосова), по принципу антитезы, создавало большевикам привлекательный образ в глазах местных партизан. Также понятие «большевик» антиколчаковские повстанцы ассоциировали с либеральным режимом первой Советской власти. При этом коммунистов, пришедших вместе с Красной Армией для внедрения в Сибири Советской конституции и декретов Совнаркома [2, Оп. 2. Д. 2. Л. 27], партизаны воспринимали как власть антинародную [2, Оп. 2. Д. 27, Л. 13]. Под влиянием средств информации белого режима, проповедей духовенства и агитации правых эсеров, крестьянство представляло себе «коммуны и коммунистов в образе зверя» [20, Оп. 1. Д. 49. Л. 5], видя в последних враждебную для трудящихся политическую силу [19, Оп. 1. Д. 338. Л. 90], которую после разгрома Белого движения требовалось уничтожить [20, Оп. 1. Д. 61. Л. 1]. Прибывшие из России советские работники, отмечали «политическое невежество» сибирского партизана: «Сибирские крестьяне с ног до головы собственники, плюс к этому самолюбивы, горды, а в завершении темны, как ночь» [2, Оп. 2. Д. 35. Л. 3 об.].

За малообъяснимыми действиями партизан, с точки зрения советских работников из России, вскрывалось их стремление разрешить краевой аграрно-крестьянский вопрос неконституционным путем, т. е. «снизу», дать хлеб нуждающемуся населению переселенческих анклавов, снять проблему товарного насыщения местной деревни, найти модель демократического устройства власти в крестьянском понимании, т. е. Советы «без коммунистов и буржуев» [20, Оп. 2. Д. 207. Л. 12], и определиться во взаимоотношениях с центральной властью, т. е. «в дела деревни никто не должен вмешиваться» [18, Оп. 1. Д. 127. Л. 19]. В тех волостях и уездах, где по земельному вопросу «сталкивались старожильцы-кулаки с населенцами-новоселами», красные партизаны из числа малоземельных новоселов стремились за счет владений зажиточных старожиллов провести черный передел земли [9, с. 157].

В этот период имели место антикоммунистические и антироссийские настроения партизан-сибиряков и по отношению к красноармейцам из Европейской России [2, Оп. 2. Д. 46. Л. 2]. Феномен областнического мировоззрения сибирских антиколчаковских повстанцев был во многом предопределен гибелью в период городских восстаний зимы 1919 г. местных кадров большевиков, имевших определенные политические предпочтения со стороны трудового населения Сибири в эпоху революции 1917 г. [8, с. 165].

В конце Гражданской войны анархистское мировоззрение партизан Сибири столкнулось с политикой централизации и унитаризации, которую проводили представители центральных органов Советской власти, что вылилось в глубокий внутренний кризис антиколчаковского лагеря [20, Оп. 2. Д. 56. Л. 53]. Он отмечен на территории партизанских республик рядом острых конфликтов власт-

ных интересов и полномочий органов конституционной и неконституционной Власти Советов. Так, партизаны повсеместно стремились сохранить в составе Красной Армии собственные автономные вооруженные силы [24, с. 270], порядок выборности полевых командиров, свои органы власти на местах [2, Оп. 2. Д. 2. ЛЛ. 6, 19], уклониться от мероприятий политики «военного коммунизма» Совнаркома [2, Оп. 2. Д. 35. Л. 3 об.], наказать лиц, связанных в той или иной степени с белым режимом [2; Оп. 2. Д. 92. Л. 3], «расшибить коммунию» [2, Оп. 2. Д. 27. Л. 1]. По этой причине партизаны не желали признавать властные полномочия «москвичей» [19, Оп. 1. Д. 338. Л. 36], пришедших вместе с Красной Армией, и подчиняться им, выдвинув лозунг «Власть на местах» [20, Оп. 1. Д. 49. Л. 5]. После поражения Белого движения в Сибири бывшие красные партизаны, даже вступив в члены партии коммунистов, активно саботировали директивы Совнаркома и ЦК РКП(б), о чем краевые партийные и советские власти с тревогой сообщали в Москву на протяжении 1920-1923 гг. [15, Оп. 11. Д. 82. Л. 9]. Позже эта политико-психологическая ситуация привела к острым столкновениям внутри советского лагеря, которые были отмечены массовыми антикоммунистическими и антиконституционными восстаниями как аграриев региона, так и бывших антиколчаковских партизан в период политики «военного коммунизма» Совнаркома в Сибири.

Парадокс ситуации был в том, что в своей массе антиколчаковское мятежное крестьянство региона отнюдь не было против политики «военного коммунизма». Еще в период борьбы с белой государственностью им было осознано, что выжить партизанские зоны, блокированные войсками белого режима, могли только при условии создания самодостаточного хозяйства. В условиях вынужденной автаркии повстанческо-партизанских республик важным элементом функционирования их экономики, помимо разного рода экспроприаций и прямого грабежа, стала стихийная попытка руководства партизан внедрить на подконтрольной им территории элементы системы «военного коммунизма». На это обратил внимание В. Б. Эльцин, который определил экономические условия жизни местных партизан, «как крестьянский осколок военного коммунизма в сибирских условиях» [24, с. 265]. Так, для населения партизанских зон, помимо воинской повинности мужчин от 18 и до 45 лет, вводились трудовая повинность: рытье окопов с целью защиты селений от нападения карателей, гужевая повинность по транспортировке партизанам грузов и раненых, разверстка продуктовой повинности снабжения партизанских отрядов, общественная помощь нуждающимся семьям партизан при ведении полевых работ, снабжение их топливом, продовольствием и т. д. [5, с. 140-144].

Специфика «военного коммунизма» партизанских зон состояла в ее демократическом внедрении, т. е. все элементы «политики лишений» вводились лишь через народные сходы и собрания, когда все население на период борьбы с интервентами и колчаковцами добровольно соглашалось нести общественные тяготы и повинности. Этой спецификой «военный коммунизм» в партизанских зонах резко отличался от системы «военного коммунизма» большевиков, кото-

рые ее внедряли на территории Советской республики декретами «сверху», через прямое насилие над недовольными и уклоняющимися. Стоит отметить, что крестьянам ряд элементов «военного коммунизма» был известен с дореволюционных времен в форме натуральных повинностей аграрного населения региона в пользу государства, против которых они боролись накануне великой революции 1917 г. [12].

При всей своей гибкости и демократичности система «крестьянского военного коммунизма» на территории повстанческих республик имела серьезный недостаток, который был обусловлен крайне ограниченными материальными ресурсами и невозможностью осуществить научный прогноз временных рамок этой политики в партизанских зонах. Кроме того, отсутствовал такой компонент нормального ведения хозяйства, как взаимодействие аграрного и индустриального секторов производства. Наладить собственное промышленное производство в партизанской зоне было невозможно. По этой причине «крестьянский военный коммунизм» в Сибири в годы Гражданской войны имел характер «захватной экономики», т. к. поддержание общей устойчивости партизанских республик зависело в меньшей степени от перераспределения внутренних ресурсов и в большей — от экспроприации собственности враждебных аграрных групп, грабежа городов, захвата военных трофеев и казенного имущества. Однако истощение внешнего источника удовлетворения жизненно важных потребностей населения партизанских республик, рано или поздно, должно было вызвать острые противоречия среди повстанцев.

Так, Западносибирский антикоммунистический мятеж начала 1921 г. выявил, что население восставших волостей после месяца добровольного согласия нести повинности в пользу повстанческой армии [16, с. 224, 268, 419], истощив все материальные ресурсы, получаемые от грабежа имущества коммунистов, семей их сторонников, милиционеров, советских работников, беженцев из голодающих губерний России, захваченных железнодорожных составов, станционных складов и ссыпных пунктов, отказывалось дальше поддерживать антисоветских повстанцев [1, Оп. 1. Д. 8. ЛЛ. 19, 21, 47, 52].

Антиколчаковские партизаны на территории повстанческих республик пытались наладить правильное финансирование своих потребностей через налогообложение по классовому принципу. Основная тяжесть налогов и плановых реквизиций по обеспечению вооруженных сил партизанского движения возложена была на местное кулачество, которое одновременно стало объектом чрезвычайных реквизиций и несанкционированного грабежа со стороны анархизирующих партизан [14, с. 141]. В итоге данной практики партизан кулачество к моменту восстановления Советской власти в Сибири было серьезно экономически ослаблено. Поэтому в ряде уездов региона, особенно в районах расселения новоселов, оно потеряло влияние. На первый план как социальные лидеры вышли бедняки и маломощные середняки, составлявшие костяк красного партизанского движения. Важно, что аграрная политика белых властей, их беспощадная налоговая и репрессивная политика в отношении неповинующе-

гося крестьянства края резко увеличили число обедневших крестьян [5, с. 56]. В этих условиях они могли поправить свои дела только через военный разгром белого режима власти, экспроприацию и грабеж имущества местного кулачества и казаков [10, с. 165-166, 181-182].

Катаклизмы Гражданской войны привели к тому, что в сибирской деревне резко сократилась численность высших экономических слоев. Кулаки всех групп, как это было в период кризиса 1916 г., сворачивали свои хозяйства до размера середняцкого, т. к. они оказались жертвами частых реквизиций со стороны обеих воюющих сторон [8, Оп. 11. Д. 82. Л. 256]. Кроме того, свертывание кулаками своего хозяйства являлось способом избежать социальных репрессий со стороны анархистствующих красных партизан по обвинению в сотрудничестве с колчаковскими властями [7, с. 164-176]. Сельскохозяйственная перепись 1920 г., которая была проведена сразу после Гражданской войны в Сибири, выявила новый имущественный расклад крестьянских хозяйств в социальной структуре деревни в бывших партизанских зонах [25, с. 9]. Она показала, что «крестьянский военный коммунизм» периода Гражданской войны серьезно подорвал экономические позиции кулачества, и даже после перехода региона к новой экономической политике оно не смогло вновь обрести влияние на краевую деревню.

Стоит признать, подводя итоги изучения истории антиколчаковских партизанских республик Сибири, что их появление было закономерным следствием развития Гражданской войны в регионе. Большая часть сибирского крестьянства отвергло как вариант либеральной революции, предложенного партией кадетов, так и установку на непредрешенность основных вопросов жизни края Всероссийского правительства адмирала А. В. Колчака. В качестве ответа на репрессивную и экономическую политику белой государственности возникло массовое партизанское движение крестьян края, которые пытались на подконтрольной территории разрешить «исторические вопросы» Сибири в рамках эсеровского «народовластия» и анархистского лозунга «власть на местах». Уникальным явлением жизни в партизанских зонах стала модель «крестьянского военного коммунизма», имевшего цель создать режим социального равенства в условиях вынужденной автаркии. Самоорганизация трудового крестьянства Сибири и воссоздание областного варианта Советской власти подвели черту под Гражданской войной в Сибирском регионе в пользу революции Октября.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный исторический архив Омской области. Ф. Р-1818.
2. Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-1.
3. Государственный исторический архив Омской области. Ф. Р-1015.
4. Жигалин Я. Партизанское движение в Западной Сибири / Я. Жигалин // Пролетарская революция. 1930. № 11. С. 98-114.

5. Журов Ю. В. Партизанская война в сибирской деревне / Ю. В. Журов. Красноярск: КрасГУ, 1986. 184 с.
6. Колосов Е. Е. Сибирь при Колчаке: воспоминания. Материалы. Документы / Е. Е. Колосов. Пг.: Былое, 1923. 188 с.
7. Курьшев И. В. Социально-психологический облик крестьянства Западной Сибири в годы Гражданской войны (По материалам периодической печати): дисс. кан. ист. наук / И. В. Курьшев. Томск, 1998. 219 с.
8. Молотов К. К истории РКП в Сибири. Август 1918 — декабрь 1918 года / К. Молотов // Три года борьбы за диктатуру пролетариата. Омск: Госиздат, 1920. С. 159-165.
9. Партизанщина в Тобольской губернии: материалы по истории партизанского движения в Сибири при Колчаке // Пролетарская революция. 1923. № 8. С. 156-221.
10. Партизанское движение в Западной Сибири. 1918-1920 гг.: документы и материалы. Новосибирск: Новосибирское кн. изд., 1959. 832 с.
11. Парфенов П. С. (Петр Алтайский) Гражданская война в Сибири. 1918-1920 / П. С. Парфенов. М.: Госиздат, 1925. 168 с.
12. Пашенко О. П. Выступление против натуральных повинностей в социальном протесте крестьян Западной Сибири в 1861-1904 гг. / О. П. Пашенко // Омские социально-гуманитарные чтения. Омск: ОмГТУ, 2009. С. 156-160.
13. Преображенский П. Партизанское движение в Сибири // Красная армия Сибири / П. Преображенский. 1923. № 3-4. С. 125-136.
14. Расторгуев С. В. Аграрная политика колчаковского правительства: дисс. кан. ист. наук / С. В. Расторгуев. М., 1996. 195 с.
15. Российский Государственный архив социально-политической истории. Ф.
16. Сибирская Вандея: документы в 2 т. / под ред. А. Н. Яковлева; сост. В. И. Шишкин. М.: Международный фонд «Демократия», 2000. Т. 2. 776 с.
17. Советская Сибирь (Омск). 1920. 12 февраля. № 32.
18. Центр хранения архивных фондов Алтайского края. Ф. П-1.
19. Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 1.
20. Центр хранения архивных фондов Алтайского края. Ф. П-2.
21. Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четв. XX в.: антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся / А. А. Штырбул. Омск: ОмГПУ, 1996. Ч. 2. 175 с.
22. Шуклецов В. Т. Сибиряки в борьбе за Советскую власть / В. Т. Шуклуцой. Новосибирск: Западносибирское кн. изд., 1981. 270 с.
23. Шуранова Е. Н. Советская власть как вариант общественного идеала сибирского крестьянства в 1920-1921 гг. / Е. Н. Шуранова. URL: <http://sibsubethnos.narod.ru/p04/Schuranova.html>
24. Эльцин В. Пятая армия и сибирские партизаны / В. Эльцин // Борьба за Сибирь и Урал. М.; Л.: Госиздат, 1926. С. 261-280.
25. Яровой И. В. Экономика сибирской деревни / И. В. Яровой. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1926. 64 с.

Mihail I. VTORUSHIN¹

PARTISAN REPUBLICS OF SIBERIA DURING THE CIVIL WAR

¹ Cand. Sci. (Hist.), Senior Lecturer, State,
Municipal Administration and Customs Management Department,
Omsk State Technical University
vtorushin-m2013@yandex.ru

Abstract

In this article, the issue of Siberian Soviet partisan republics during the Civil War in Eastern Russia is presented. The aim of this paper is to reveal the causes of anti-Kolchak state peasantry communities, to study their socio-economic and political basis, ideological nature, internal and external contradictions of these republics.

The Civil War in Russia objectively led to the establishment of the dictatorship system in the dissenting camps. In the East of Russia it was the military dictatorship of the White movement, headed by Admiral Kolchak, that was to obtain military victory and to solve the historical problems of Siberia, concerning the land management of regional peasantry, the sale and supply issues, determining the local administration forms, etc. The White movement postponed the solution of these problems to the postwar period. In addition, the internal policy was hardened and the tax burden was strengthened dramatically. The social response of the Siberian peasantry took the form of their insurgency. In 1919 one third of Siberian territory was under the control of guerilla rule. Siberian peasantry established its own system of self-organization and self-sufficiency based on the principles of the peasantry “war communism” in the guerrilla regions. This phenomenon is of great scientific interest due to the fact that Soviet partisan republics, which largely repeated the experience of Siberian partisan in the civil war, emerged in the years of the Great Patriotic War on the occupied territory.

Keywords

White state, rebel republics, power of the Soviets, democracy, war communism.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-2-161-172

Citation: Vtorushin M. I. 2017. “Partisan Republics of Siberia during the Civil War”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 3, no 2, pp. 161-172.
DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-2-161-172

REFERENCES

1. Gosudarstvenny istorichesky arkhiv Omskoy oblasti [The State Historical Archives of the Omsk Region]. F. R-1818.
2. Gosudarstvenny arkhiv Novosibirskoy oblasti [The State Archives of the Novosibirsk Region]. F. P-1.
3. Gosudarstvenny istorichesky arkhiv Omskoy oblasti [The State Historical Archives of the Omsk Region]. F. R-1015.
4. Zhigalin Ya. 1930. "Partizanskoe dvizhenie v Zapadnoy Sibiri" [The Guerrilla Movement in Western Siberia]. *Proletarskaya revolyutsiya*, no. 11, pp. 98-114.
5. Zhurov Yu. V. 1986. *Partizanskaya voyna v sibirskoy derevne* [Guerrilla War in a Siberian Village]. Krasnoyarsk.
6. Kolosov E. E. 1923. *Sibir' pri Kolchake: vospominaniya. Materialy. Dokumenty* [Siberia under Kolchak: Memories. Materials. Documents]. Petrograd: Byloe.
7. Kuryshev I. V. 1998. "Sotsial'no-psihologicheskij oblik krest'yanstva Zapadnoy Sibiri v gody grazhdanskoy vojny (Po materialam periodicheskoy pechati)" [Socio-Psychological Aspect of the Peasantry in Western Siberia in the Years of the Civil War (On Materials of Periodicals)]. Cand. Sci. (Hist.) diss. Tomsk.
8. Molotov K. 1920. "K istorii RKP v Sibiri. Avgust 1918 - dekabr' 1918 goda" [To the History of the Russian Communist party in Siberia. August 1918 - December 1918]. In: *Tri goda bor'by za diktaturu proletariata* [Three Years of Struggle for the Dictatorship of the Proletariat], pp. 159-165. Omsk.
9. *Proletarskaya revolyutsiya*. 1923. "Partizanshchina v Tobol'skoy gubernii: materialy po istorii partizanskogo dvizheniya v Sibiri pri Kolchake" [Guerrilla Warfare in the Province of Tobolsk: Materials on the History of the Partisan Movement in Siberia under Kolchak]. *Proletarskaya revolyutsiya*, no. 8, pp. 156-221.
10. Novosibirskoye knizhnoye izdatelstvo. 1959. *Partizanskoe dvizhenie v Zapadnoy Sibiri. 1918-1920 g.: dokumenty i materialy* [The Guerrilla Movement in Western Siberia. 1918-1920: Documents and Materials]. Novosibirsk.
11. Parfenov P. S. (Petr Altayskiy). 1925. *Grazhdanskaya voyna v Sibiri. 1918-1920* [Civil War in Siberia. 1918-1920]. Moscow: Gosizdat.
12. Pashchenko O. P. 2009. *Vystupleniya protiv natural'nyh povinnostey v sotsial'nom proteste krest'yan Zapadnoy Sibiri v 1861-1904 g.* [Performance against the Natural Duties in the Social Protest of the Peasants of Western Siberia in 1861-1904], pp. 156-160. Omsk: OmGTU.
13. Preobrazhenskiy P. 1923. "Partizanskoe dvizhenie v Sibiri" [The Guerrilla Movement in Siberia]. *Krasnaya armiya Sibiri*, no 3-4, pp. 125-136.
14. Rastorguev S. V. 1996. "Agrarnaya politika kolchakovskogo pravitel'stva" [Agrarian Policy of the Kolchak Government]. Cand. Sci (Hist.) diss. Moscow.
15. Rossiyskiy Gosudarstvennyy arhiv sotsial'no-politicheskoy istorii [The Russian State Archives of Socio-Political History]. F. 17.
16. Yakovlev A. N. (ed.). 2000. *Sibirskaya Vandeya: Dokumenty* [Siberian Vendee: Documents] in 2 vols. Vol. 2. Compiled by V. I. Shishkin. Moscow.
17. *Sovetskaya Sibir (Omsk)*. 1920. [Soviet Siberia (Omsk)]. 12 February, no 32.
18. Tsentr hraneniya arhivnykh fondov Altayskogo kraya [Center for the Preservation of Archives of the Altai Territory]. F. P-1.

19. Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Tomskoy oblasti [The Documentation Center of Modern History of Tomsk Region]. F. 1.
20. Tsentr hraneniya arhivnyh fondov Altajskogo kraja [Center for the Preservation of Archives of the Altai Territory]. F. P-2.
21. Shtyrbul A. A. 1996. Anarhicheskoe dvizhenie v Sibiri v 1-y chetv. XX v.: antigosudarstvennyy bunt i negosudarstvennaya samoorganizatsiya trudyashchihsya [The Anarchist Movement in Siberia in the First Thursday. The Twentieth Century: Anti-State Rebellion and Non-Governmental Self-Organization of Workers], vol. 2. Omsk: OmGPU.
22. Shukletsov V. T. 1981. Sibiryaki v bor'be za Sovetskuyu vlast' [Siberians in the Struggle for Soviet Power]. Novosibirsk: Zapadno-sibirskoye knizhnoye izdatelstvo.
23. Shuranova E. N. Sovetskuyu vlast' kak variant obshchestvennogo ideala sibirskogo krest'yanstva v 1920-1921 gg. [The Soviet Regime as a Variant of the Social Ideal of the Siberian Peasantry in 1920-1921]. <http://sibsubethnos.narod.ru/p04/Schuranova.htm>
24. Eltsin V. 1926. Pyataya armiya i sibirskie partizany [The Fifth Army and the Siberian Guerrillas. The Struggle for Siberia and the Urals], pp. 261-280. Moscow-Leningrad: Gosizdat.
25. Yarovoy I. V. 1926. Ekonomika sibirskoj derevni [The Economy of the Siberian Village]. Novosibirsk: sibkrayizdat.